

Клеймить на дальних подступах

Анализ свежее испеченного закона о лишении «иностранцев агентов» пассивного избирательного права с точки зрения «машины тоталитаризма модернизированной»

08:58, 13 мая 2024,

Леонид Никитинский

обозреватель «Новой»

Фото: Василий Шапошников / Коммерсантъ

6 мая Госдума приняла сразу во втором и третьем чтении закон, запрещающий «иностранным агентам» баллотироваться в законодательные органы всех уровней. А если «агент» законспирировался и прорвался, то законно полученный им из рук избирателей мандат будет аннулирован путем присвоения формального статуса.

Фактически это механизм наказания задним числом, но командир Госдумы Вячеслав Володин назвал его «гуманным»: у действующих и будущих депутатов-«агентов» будет целых полгода, чтобы «выйти из-под иностранного влияния», как-то договорившись с Министерством юстиции РФ (это вряд ли).

На этом представительная демократия в новейшей России пока завершена.

И вроде бы уже не о чем говорить, но эта долгая, длинной в 35 лет, история станет целой отдельной главой в учебнике неправа для будущих поколений студентов-юристов и яркой иллюстрацией того, как в путинской России работала МТМ — «Машина тоталитаризма модернизированная» (*подробно представлена нами в журнале «Горби» № 5 и на сайте «Новой» за 24 января*).

Анализ в терминах МТМ подразумевает акцент не столько на законах, сколько на практиках, а концепт «машины» или «сборки» сосредоточивает наше внимание на разнородности, многообразии и часто сомнительной законности этих практик, подсоединяемых к закону, в котором для этого загодя оставляются крючки и дырки.

Сразу две линии развития законодательства — о выборах и об «иностранных агентах» — дают в перекрестье богатейший материал для объяснения практик неправа.

Начнем с выборов: Дума — важнейшая часть МТМ, ведь для создания законодательной базы, удобной ее рабочей судебно-правоохранительной части, партии власти необходимо квалифицированное большинство в законодательных органах.

В СССР Компартия не допускала к выборам никого, кто мог усомниться в ее линии. Теперь мы вернулись в ту же точку, но начиная с выборов на Съезд народных депутатов СССР в марте-мае 1989 года шансы на появление депутатов, выдвинутых не от партии власти, постепенно убывая, все же сохранялись хотя бы на уровне региональных заксобраний.

Из Думы 4 созыва (2004–2008) большинство таких было удалено

путем ужесточения законодательства о политических партиях и повышения для них процентного барьера — за бортом остались СПС и «Яблоко». Депутаты, прошедшие по одномандатным округам, присоединились к партиям, прошедшим по спискам, «Единая Россия» получила конституционное большинство и возможность в дальнейшем менять законодательство о выборах так, как ей удобно.

В 2005 году был принят закон, ликвидировавший на выборах в Думу одномандатные округа с переходом полностью на пропорциональную систему с высоким барьером голосов. Требования к партиям были ужесточены, а независимое наблюдение затруднено. С этого момента ключевую роль играло не законодательство, а «волшебник Чуров» в ЦИК и ставленники ЦИКа же во главе территориальных избирательных комиссий. В сборку включились низовые УИК, в свою очередь подсоединившие «общественность»: для исполнения вбросов и создания препятствий наблюдению самыми экзотическими способами вплоть до рукоприкладства.

Владислав Даванков и Леонид Слуцкий. Фото: Антон Новодережкин / Коммерсантъ

После 2005 года законодательство о выборах менялось отдельными поправками, но до 8–10 раз в год. Это сделало его настолько запутанным, что роль практик ЦИК заметно возросла, а они складывались всегда в пользу «Единой России».

После проигрыша РФ в ЕСПЧ в 2011 году дела об отказе в регистрации партии «ПАРНАС» законодательство пришлось смягчить, но

«Единая Россия» нашла новый вариант сборки: появились спойлеры, оттягивающие голоса у оппозиционных партий. В бюллетенях была ликвидирована графа «против всех» и узаконены «паровозы» — первые лица в

списках, которые могли передавать свои мандаты любому однопартийцу.

При выборах в региональные заксобрания возникла практика кандидатов-двойников (на выборах в Санкт-Петербурге в 2021 году, кроме настоящего, было выдвинуто два временных Бориса Вишневских*, отрастивших с этой целью бороды и усы).

Важнейший барьер был создан в виде сбора подписей в поддержку кандидатов в президенты: сначала требовались запредельные 2 млн подписей, затем это число было снижено для выдвинутых от зарегистрированных партий «всего» до 100 тысяч. В феврале 2024 года Борис Надеждин сумел представить 105 тысяч, но 9147 из них были забракованы ЦИК. Истину в отношении этих подписей мы вряд ли когда-то узнаем: институт их проверки в ЦИК, в том числе с подсоединением к сборке «почерковедов», полностью непрозрачен.

В 2020 году при вынесении на «всенародное голосование» поправок к Конституции под предлогом карантина были опробованы голосование по месту жительства, многодневное и электронное голосование. Карантин вроде бы кончился, а эти новшества, сделавшие независимый контроль над правильным подсчетом голосов практически невозможным, остались. Все они на самом деле суть сборки, рассчитанные на использование административного ресурса в избиркомах.

С более развернутым анализом изменений законодательства о выборах можно познакомиться в статье Аркадия Любарева, признанного в РФ «иностранным агентом», на сайте Общероссийского общественного движения в защиту прав избирателей «Голос», также признанного «иностранным агентом».

Вот мы и подошли ко второй линии интересующих нас сборок

— развитию законодательства об «иностранцах». Это понятие появилось в 2012 году в виде поправок к закону «О некоммерческих организациях». Изначально было заявлено (в том числе неоднократно президентом), что статус «агентов» не ущемляет их права, а лишь обязывает отчитываться о получении иностранного финансирования в случае, если они занимаются «политической деятельностью».

Вопреки этим заявлениям и постановлению Конституционного суда от 8 апреля 2014 г. № 10-П «иностранцам» было последовательно запрещено, в частности: занимать государственные должности, быть членом избирательных комиссий и участвовать в избирательных кампаниях; заниматься работой, требующей допуска к гостайне; участвовать в проведении антикоррупционной и экологической экспертиз; организовывать публичные мероприятия; заниматься педагогической деятельностью; участвовать в государственных закупках; получать государственную финансовую и иную имущественную поддержку; с марта 2024 года получать доходы от рекламы; пользоваться упрощенной системой налогообложения и др.

Фото: Иван Водопьянов / Коммерсантъ

Согласно ГК РФ (ст. 1005), «агент» — это лицо, которое выполняет работу в пользу другого конкретного лица (принципала). Термин «иностраный агент» используется в законодательстве не как юридический, а как идеологический. Это сборка, которая посредством двусмысленного использования языка подсоединяет к статусу внесенного в реестр Минюста некую метку — стигму. Ограничения для «иностраных агентов» суть придание формы закона антиконституционным (см. Постановление КС) дискриминационным практикам: всем, кто получает или рассчитывает что-то получить от государства, следует шарахаться от «иностраных агентов» как черт от ладана.

В логике МТМ классическая пирамида права и правоприменения оказывается перевернута. Ее

главным звеном становится не законодатель, а полицейские органы

в широком смысле слова (все, кто ведает разрешениями и запретами). Законодатели лишь обслуживают нужды, возникающие в практиках этой репрессивной части машины, а суды придают им формальные признаки законности.

За сборками, обслуживающими выборы, всегда маячит ЦИК, а дискриминацией «иностранцев» в таком же полицейском режиме ведает Минюст. Под «политической деятельностью» вопреки своим же официальным разъяснениям здесь понимают фактически любую общественную активность, а под иностранным финансированием — любую копейку, в том числе полученную косвенно через российские структуры. Впрочем, после принятия 14 июля 2022 года суммирующего закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» финансирование доказывать не нужно: расплывчатость «влияния» безразмерна.

Тут и муха не пролетит — зачем же понадобилось принимать (контрабандой, «привив» его к законопроекту, который в первом чтении был вообще о другом) еще и закон о лишении «иностранцев» права баллотироваться? Почему бы, в конце концов, не пропустить для приличия хотя бы в региональные заксобраны, да даже и в Думу, не критическое для власти число оппозиционных настроенных депутатов? Что бы такого ужасного они могли там сделать?

Характеристику МТМ как машины «модернизированной» мы связываем с тем, что,

обеспечивая подавление несогласных в

основном с помощью репрессий, она одновременно функционирует и как медиа. Это средство массовой коммуникации транслирует «единство», и никакие голоса несогласных отсюда не должны быть слышны — им просто отключили микрофон.

МТМ вся состоит из заплаток. Законы-поправки каждый раз принимаются ad hoc — для затыкания конкретной дыры: так, закон, ставший предметом нашего анализа, — это реакция на остроумную выходку нескольких «иностранных агентов», пригрозивших из-за бугра выдвинуть свои кандидатуры на сентябрьских выборах в Мосгордуму из чистого политического озорства.

Сборки разрушительны для институтов. В каждом случае для подсоединения антиправовых практик они обращаются к фантазии исполнителей, создавая для них не юридические, а лишь «понятийные» обязательства. В результате машина тоталитаризма только выглядит несокрушимой — она может рассыпаться от любого дуновения политического ветра.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[МТМ: Машина тоталитаризма модернизированная](#)

Власть в обществе, обретающем тоталитарные черты, — это не персоны, не институты, не закон, а стратегии и техники сохранения господства

[Коготок адвоката](#)

Только что принятые поправки к закону об адвокатуре — закономерный и неутешительный итог долгого процесса деградации всей судебной системы

13:01, 13 апреля 2024, Леонид Никитинский